

Валерий ШЕЛЕГОВ

Канск

Валерий Николаевич Шелегов родился 13 декабря 1953 года в Канске. Там же окончил восьмилетнюю школу № 6. В 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. На Крайнем Севере прошла вся жизнь. Чукотка: посёлки Черский и Мыс Шмидта, город Певек. Работал в геологоразведочных экспедициях геофизиком. В Усть-Нере женился. Работал в 70-х годах в ВИГРЭ геологом на штольне в разведочной партии. Служил охотоведом Оймяконского района в 80-х годах. Работал на Индигирке старателем в золотодобывающей артели «Мир». В 1996 вернулся на родину, в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька — добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» отмечена Русской национальной премией «Имперская культура» имени Э. Володина. Член Союза писателей СССР. Живёт и работает в городе Канске Красноярского края.

ЛУНА НАД ДОНОМ

Анютка наблюдает за дедом Рахманом из летней кухни. Дед сидит на лавке в лунной тени дома, сторбился, курит папиросу. Анютка отвыкла от родителей. Бабушка Катерина и дед Рахман — единственные, кого Анютка любит больше всех на свете. Ей уже четырнадцать. Взрослая. Анютка рыбачит с дедом Рахманом на Дону.

Дед Рахман затягивается медленно, папироса светится угольком, пыхает, сорит искрами. Курит дед Рахман втихую от бабушки Катерины. Анютка жалеет деда, покупает в станичном магазине для него папиросы.

В этом году дед Рахман лодку спустил на Дон поздно. Рыбачат они с Анютой теперь на сети редко. Совсем занемог дед. Анютка ставит донки. Без рыбы не живут. Станичники жалеют деда Рахмана: «Куда ему теперь на Дон?..»

В пяти километрах от станицы — Кочетовская «падающая» ГЭС. «Падает» плотина на время нереста рыбы. Вся станица на берегу! Изголодавшаяся в хранилище рыба берёт любую наживу. Тут уж только успевай: чехонь, осётрики, белужки, но всё больше сула с колючими плавниками.

Анютка эту рыбу не любит, все пальчики исколоты о её колючие плавники. Другое дело чехонь.

Анютка замерла на топчане и смотрит на лунный двор, подобрав колени до подбородка. Одета она в лёгкое платье, золотисто-голубые от лунного света волосы стянуты на затылке резиночкой. Лунный свет падает на белённую мелом стену летней кухни, отражается в большом овальном зеркале. Анюта видит себя в нём, любит, ждёт, когда дед уйдёт в дом. Бабушку Катерину Анютка боится по-настоящему. Строга. С дедом на равных. Дружки Анютки, хлопцы Юрка и Герка, — рыбаки. Палатка у них в трёх километрах от станции, «под плотиной», на рыбацьем берегу. Хлопцы уговорили Анютку слазить сегодня ночью на баштан. Их ждёт. Анютку раздражает дедова медлительность. Думает: «Вот не стану покупать папиросы, долго не будешь сидеть». Сердится на хлопцев за опоздание. Слышит тихий протяжный свист из-за яблонь с лунного переулка.

Тряпичные спортивные тапочки туго зашнурованы. Анютка выскользывает из летней кухни. Дед поднимает голову.

— Боль донимает, — морщится. — Покурю — отпускает. Скандалит Катерина. Иди, зовут тебя твои ухажёры.

Бабушка Катерина давно спит. Анютка лёгкой ланью мелькает мимо тёмного окна в хате. С Юркой и Геркой Анютка дружит из-за рыбалки. Хлопцы — ровесники. Анютке нравится с ними дружить: она ими командует. У Юрки нет отца. Отчим. У Герки — велосипед, один на троих. На этом велосипеде они исколесили всю степь. Весной за тюльпанами, за ландышами к ставкám. Сейчас поспели арбузы. На баштан.

Анютку завораживает сияющая голубым лунным светом степь. Родилась Анютка на Индигирке. Родители приезжают к бабушке редко. Дед Рахман ждёт сына со дня на день, бабушка Катерина позвала телеграммой. Анютка жалеет деда, сердится на бабушку Катерину — не пускает на Дон. Дед и вправду совсем занемог. Как-то быстро стал костлявым, белки глаз и всё тело пожелтели. Но дед крепится:

— Эх! Мне бы только с желчью справиться! Разошлась...

Бабушка Катерина гонит деда в больницу в Шахты. Ехать далеко. Не хочет дед.

— Пройдёт, — успокаивает.

Анютка совсем отбилась от рук. Пропадает на Дону. Домой, в летнюю кухонку, приходит отсыпаться. Зрелое лето. Каникулы. Бабушка Катерина строжится:

— Отправлю тебя к родителям в ихнюю Якутию. Побалуешь там, при отце-то. Окромя золота, там, говорят, ничего не растёт. Там по садам и баштанам не полазишь.

От деда у Анютки тайн нет. Он поделился. Бабушка Катерина строга. Молодая ещё казачка. Дед к шестидесяти годам сдал. А то бабушка Катерина ему бы не перечила. Теперь ругаются. Деда Анютка любит больше, чем бабушку, всегда на его стороне. Бабушка Катерина обижается:

— Кинули тебя на руки пятилетней. Вырастила-а помощницу-зашшытницу-у...

Над баштаном луна. Анютка притаилась на суку высокого тополя в лесопосадке. Думает о дед: не его бы болезнь — сейчас бы ухой из стерлядки у ночного костра объедались... Юрок и Герка пластунами катают с баштана потрескивающие от спелости арбузы. Луна висит высоко и светит ярко. Черёмуховый её свет выказывает для глаз Анютки шалаш сторожа деда Фили. Дед сидит у костра на ящичке, ворошит хворостиной алые угольки. Голову повесил. Задумался. У ног, в свете пламени, дремлет Филина охотничья собака с длинными ушами — рыжая Пьеха. Шалаш сторожа на другом краю баштана. Рыжая Пьеха не слышит мальчишек. Анютка волнуется, смотрит во все глаза. Свистеть в два пальца она умеет.

Тихо. Только стрекот цикад из степи доносится.

Велосипед под деревом блестит никелированным рулём.

Анютка спрыгивает с сука. Мальчишки запыхались, укладывают кавуны в мешок. Арбузы холодные. Лето нынче на Дону жаркое, без дождей. Для баштана такая ночь — отдых.

— Очкарикам продадим, — шепчет Анюте Юрок. — Их нынче много понаехало на рыбачий берег к Суле.

Сулой зовут хромого пузана. Он всё лето живёт в вагончике на берегу. Рыбачий берег — в трёх километрах от

станции. Там у мальчишек поставлена палатка «под плотинной». Отчим Юрка́, дядька Лёнька, каждое утро требует десяток чехоней. Рыбу меняет на горилку. Колотит Юрка́, если рыбы нет. Иногда Юрок и Герка «батрачат» на Сулу, чтобы добыть чехони для отчима. Пузан даёт напрокат тюлевую шторку, мальчишки ловят мальков на наживу. За пользование «бреднем» наваливают Суле трёхлитровку; чистят и солят на продажу рыбу. «Очкариками» Юрок зовёт рыбаков из Шахт. У них машины, цветные заграничные палатки.

Юрок катит велосипед за руль. Герка придерживает мешок с арбузами. Анютка шагает сбоку. Она рослая и выше мальчишек; стройные плечи от ног растут. На рыбацьем берегу к Анютке пристают рыбаки. Поэтому она там не любит бывать.

В лунной степи мелькают, пропадают в балках, снова появляются снопы яркого света.

— Легковушка едет, — определил Юрок.

— Спрячемся?! — пугается Анютка.

— Зачем? — отвечает Юрок. — Кто-то из очкариков с рыбацкого берега катит в станицу за горилкой для Сулы.

«Волга» фарами высвечивает подростков на просёлочной дороге среди баштанов.

— Станица далеко? — кричит шофёр из-за руля, высунув лысую башку под луну.

Анютка слышит стук своего сердца. Прячется от света фар в темноту. Не так давно в Шахтах изнасиловали девушку, убили и закопали в террикон.

— Рядом, — смело отвечает Юрок. — Дядь, не купишь арбузы?

— На гай оны мэнэ?! — голова исчезает.

Мотор шумит громче. Опять заработал чуть слышно.

— Скилькэ у вас?

— Мешок, — теперь уже подаёт голос Герка.

— За купони, — выбрался мужик из-за руля. Пузо как у бегемота, с рылом кабана. — Гайда мешок у багажнику...

Анютка не выходит на свет. Таится.

— Дядь, а деньги?! — это голос Юрка́.

— Чи шо-о-о? Деньги у москалив... Гайда от машины! — идёт шофёр к открытой дверце.

— Стэпан, на, дай им трошки купонив, — слышится женский голос из «Волги».

— Хрена им, а не купонив. Всё равно украли. Поихалы.

Белая «Волга» удаляется в лунной ночи. Анютка видит красные подфарники и лакированный верх легковушки лишь мгновение...

— Бандеровец, — ругается Герка.

— А я вырасту — тоже «Волгу» куплю, — спокоен Юрок.

На рыбачьем берегу шумно. Возле темнеющих палаток — костры, легковые машины, мотоциклы. Музыка из автомагнитолы. Палатка Юрка и Герки — первая от плотины. Анютка проверила донки. Пусто. Рыбы нет. Даже живцы не тронуты местами.

Спать Анютке не хочется. Не унимается дрожь после встречи на просёлочной дороге. Разве можно так — взять и отобрать у детей арбузы? Герка с Юрком ушли прошвырнуться по берегу. Берег поделён Сулой на рыбацкие участки. Чтобы не путались донками рыбаки. Хромой Сула обитает в фанерном вагончике. Участки продаёт. У ребят самое неуловистое место.

Анютка сидит в любимой позе — колени до подбородка — и смотрит на лунную дорожку через Дон. Ночь тихая, и в ситцевом платье Анютка не зябнет. Тёплая ночь. Подрагивает от страха: от палаток очкариков несётся пьяный гогот.

— Напугали! — вскакивает Анютка.

Мальчишки запыхались от быстрого бега.

— Эта бандеровская свинья на «Волге» здесь! Вернулся из станицы. Сулу поит в его вагончике. Сула ему рыбу продал. Под берегом она. В сыром мешке. В яме, — волнуется Герка.

Юрок спокоен. Думает.

— Давай украдём, а? — уговаривает Анютку Герка. — Рыбы у нас нет, а утром отчим Юрку изобьёт.

Но командует мальчишками Анютка: нужно её согласие. Анютка не знает, что ответить хлопцам. Лазит она с ними и в сады, и в баштан. Но то другое дело — из озорства.

Воровать у очкариков боязно. Жалко и Юрка́. Юрок — хлопец сильный, много раз битый отчимом. Сдачи даёт пьяному. Изловят за кражей рыбы — изобьют ведь. И Сула не пустит больше рыбачить под плотиной.

Доводы Анютки не убеждают Юрка́.

— Эта свинья за арбузы нам должна, — поддержал и Герка.

Луна светит ярко. Огромным шаром она коснулась речной глади Дона. Широоченная водная дорожка серебром заплескалась под ночным и высоким небом.

Анютка крадёт за хлопцами, укрываясь за низкий берег. Где-то совсем рядом — высоко на ветру — вагончик Сулы. Там праздник в разгаре. Хорошо — нет собаки.

Добрались до мешка с рыбой.

— Нет, на нас подумают, — сообразила Анютка. — Чехонь возьмём для дядьки Лёньки. Остальное — не трогать.

Слово Анютки для хлопцев — закон. Пропажа десятка рыбёх не такая заметная. За арбузы плата.

Яркий диск луны завалился за холмы. Вдоль рыбачьего берега тлеют костерки. Дым ложится на воду, дышится утренней сыростью, пахнет рыбой, водорослями. Анюте в платишке зябко. Сидит она подле костра в любимой позе, подбородком в колени, охватив кольцом рук ноги. Мальчишки спят спиной к огню на старых кожанках. Ей спать не хочется. Любит Анютка донские летние ночи, звуки степи, дышать Доном. Где-то далеко в Якутии живут родители. Выросла Анютка при бабушке Катерине. Живёт на Севере сестричка Тоха. У бабушки хранится цветная фотография: бабушка Катерина, Тоха у деда на коленях, она, Анютка, за их спинами. Родители в Керчи отдыхали, поэтому их нет на фотографии. По сестричке Анютка скучает. Ей очень хочется поделиться с сестрой Тоней этим необъятным черёмуховым миром, таким огромным, таким вечным над Доном. Бабушка Катерина — казачка, верит в Бога. Дед Рахман носит крестик на гайтане, под исподней рубахой видный на груди. В доме старинная икона в красном углу убрана крахмальными рушниками. Божья Матерь. Бабушка Катерина молится за больного деда Рахмана.

Анютка смотрит на спящих мальчигов и хмурит брови, как бабушка Катерина. Она всё ещё переживает за украденную рыбу. Жалеет Юрка, думает о жизни по-взрослому.

Диск луны давно укатился за край степи. Реденький туман укрыл от взора другой берег на рассвете. На тиховодье начала плескаться мелкая рыбёшка. Бьёт хлётко, балует крупная.

Светает. Тишь стоит во всём Божьем мире.

И вдруг разом все колокольчики на донках вдоль рыбацкого берега заголосили, будто сотни серебряных молоточков о наковальню застучали.

Массовый ход рыбы! Как во время нереста, во время «падения» плотины.

Кочетовская ГЭС сделала случайный сброс.

— Гуляй, казаки-и-и!!! — проснулся весь рыбацкий берег. — Плотину повалили-и-и!

И пошла потеха! Успевай только живца цеплять да чехонь крупную снимать.

— Рупь двадцать, рупь двадцать, — гребёт хромой ногой Сула при беге к своим донкам.

Он ещё не проспался от горилки. Очкарики неумело роняют с крючков рыбу. Другие, не понимая общего движения и гологоты, заводят, прогревают моторы легковушек. Бегут, бегут к Дону, к неумолкну гуляющим шваргункам.

Анюта сноровисто таскает свои донки и облегчённо думает: «Теперь никто и никогда не узнает о краже чехони. Спасены...»

Над Доном завис оранжевый шар солнца. Анютка заворожённо замерла: «Нет! Не от рыбы закипел Дон! А бурлит Дон от раскалённого солнца, погрузившего свой лик в воды омыться».

Солнце плескалось в Дону. Вдоль берега шла напряжённая рыбалка. Возле палатки с белой «Волгой» было тихо. Там спали.

Так же неожиданно, как и начался, через полчаса клёв кончился.